

**Давид Борисович Альховский –
преподаватель живописи и рисунка**

Я благодарен судьбе, что первым моим преподавателем (1969/1970 уч.год) в Академии был Давид Борисович Альховский.

Ценно уже то, что в силу каких-то неизвестных мне обстоятельств, он преподавал у нас в группе 1 курса и живопись, и рисунок: случай очень редкий, если не сказать уникальный. Это, безусловно, дало ему возможность лучше руководить нашим обучением.

С другой стороны, льщу себя надеждой, что и Давиду Борисовичу повезло с нами.

Группа была как на подбор: одни парни, все способные и умелые. Я был самым младшим, товарищи мои все были иногородние, опытные, за плечами у большинства были училища, дипломы, армия и т.д. Тем не менее, я как-то сразу органично вписался в группу.

Внешность Альховского была колоритнейшая: высокий, дородный, с необычайно характерным розовым лицом, рокошущим басом. Он ходил в необъятных размеров шубе и высокой шапке, ходил медленно, величаво. Словом, настоящий профессор! Мы гордились, что он – наш! Кроме того, очень скоро мы убедились, что за напускной строгостью скрывается добрая, ироничная и мудрая душа.

Работа, как водится в первом семестре первого курса, началась с натюрморта. И тут Давиду Борисовичу вздумалось поэкспериментировать. Удалив всех в коридор, он вскоре пригласил снова: натюрморты уже стояли. Они были необычны: крупные драпировки свисали, образуя крупные складки, внизу стояли один-два мелких предмета. Загадочно улыбаясь, Альховский объяснил задачу: он считает, что из искусства уходит умение изображать складки тканей. Поэтому основная задача – складка. Предметы же, прямо скажем, незначительные, так, pro-forma. Мы все взяли большие холсты и с упоением целый месяц трудились над складками.

Настал день промежуточного просмотра выполнения первого задания: в те времена эта очень "бодрящая" и студентов, и преподавателей традиция еще не была отменена. Первый кафедральный просмотр.

Мы все, конечно, очень волновались, но не думали, что получится что-то похожее на разгром. По гулу голосов, слышных из-за дверей, стало понятно: что-то не так. Потом мы услышали отчаянный возглас Давида Борисовича:

-Складки...уходят из живописи...

И сразу – голос А.А.Мыльникова:

- Складки – складками, но живопись должна быть!

Расстраивались мы недолго, так как уж больно увлекательно было работать над головой, да и модель попалась замечательная: молодая, с каштановыми волосами и удивительными красками лица. А ставил модель Альховский превосходно, одухотворенно и очень красиво по живописи. Особенно удался мне второй этюд этой модели, когда Давид Борисович надел ей черный берет, а на плечи – полупрозрачный шарф.

У меня уже был, правда, небольшой, опыт написания тонких по живописи постановок: в 11 классе СХШ живопись по случайному стечению обстоятельств вел А.Н.Гурин, и многие, в том числе и я, сделали колоссальный рывок в понимании и выполнении живописных задач.

Этюд с черным беретом удался, это было видно и по реакции товарищей, и мне самому. Что-то скажет Альховский?

Альховский подходил к студенту, не торопясь, основательно, говорил ему о достоинствах, недостатках, иногда шутил, но беззлобно, был со студентами вежлив, корректен, всегда говорил на "Вы".

Но вот, наконец, очередь дошла до меня. Давид Борисович сел на мой стул (я работал sotto in su)? долго смотрел на портрет, потом на модель, снова на портрет. Кажется, прошла вечность, по-моему, вся группа затаила дыхание... Наконец, он встал, и ни слова не говоря, направился к соседней работе....

Надо ли говорить, что портрет был оценен на "отлично", взят в методический фонд и долго-долго висел на боковой стене стеллажа у самой двери. А потом исчез бесследно, как и многое тогда исчезало из нашего фонда... Жаль, ведь эта память не только о начале моего пути в живописи, но и о моем учителе!

После обеда - 1-й рисунок головы. Зажигаются софиты, садится натурщик. Слева от меня рисует наш староста Валера Махитарянец – невысокий, с большой головой, короткой шеей и громадным, каким-то сверхестественным разрезом глаз.

Валера старше меня на 10 лет, уже имеет семью, много в жизни повидал, опытен в рисунке и живописи, правда, работает малость поверхностно, круглит. Вот и сейчас, круглолицый и лысый натурщик у него на рисунке как-то уж совсем стал шарообразным.

Дверь на лестницу открыта, снизу доносится пыхтенье, шарканье ног – Альховский поднимается в мастерскую.

Вот он входит, долго, не торопясь, раздевается, пыхтя, причесывается – и сразу к Валере:

-Как дела, Махитарянец?

Ему, видно, нравится нараспев, рокочущим басом произносить эту фамилию. Поэтому мы привыкли, что каждый приход Альховского начинается с этого вопроса:

-Как дела, Махитарянец?

Валера смущенно пожимает плечами, отводит глаза:

-Та не знаю, Давид Борисович...

-Ну-ка, посмотрим.

Альховский вдруг расплывается в довольной улыбке:

Вот, говорят, что первый блин комом, а у Вас, Махитарянец, первый блин блином?!

И громче всех смеется своей шутке.

Вообще у него был удивительный дар вносить в сложный учебный процесс ноту доверительности, иронии, а иногда и подлинной мудрой афористичности.

- Мошчнэй (sic!) и нежней, Махитарянец, - гудел он, обращаясь все к тому бедному Валере.

Писать надо мощно и нежно!

Видимо, слово "мошчь" тоже нравилось Давиду Борисовичу.

Однажды, когда мы пожаловались ему, что вот, мол, заставляют идти на первомайскую демонстрацию, он, пряча лукавую улыбку, воскликнул:

- Как, ведь это демонстрация мощчи, вы должны продемонстрировать эту мощчь!

А чего стоит, например, такое высказывание: "слишком здорово – тоже плохо!"

Смысл таких вещей начинаешь понимать спустя много лет...

Я никогда не слышал, чтобы Альховский повышал глосс, видно, был слишком мудр, знал, что это бесполезно. Никогда я не слышал от него слова резкого осуждения, уничижения. Своим примером он учил и нас уважать другую личность! И вместе с тем, в нем был неизбывный интерес к другому человеку, почти детское любопытство. Характерен в этом отношении был разговор со студентом нашей группы Захаровым, очень талантливым живописцем, но горьким пьяницей:

-Захаров, Вы все пьете? – рокотал Альховский.

- Пью...- заплетаящимся голосом отвечал Захаров.

-А что Вы пьете, вино или водку? – неожиданно спрашивает Альховский.

-И то, и другое...

- А с кем пьете?

- С моими друзьями из ЛИТМО.

- Это что такое?

Захаров объясняет.

Альховский возмущен: пьет, да еще черт-то с кем...

Давид Борисович редко поправлял работы студентам. За весь год лишь один раз он прикоснулся к моему холсту: видимо, жалко ему стало смотреть, как я не могу "собрать" боковую сторону головы старика. Она была вся в "скользящем свете". Этот термин я впервые услышал от Альховского. Он любил объяснять и показывать, какие чудеса свет производит на сложном рельефе, скользя по нему.

Давид Борисович взял кисть, довольно крупную, зацепил немного белил, кости, кажется. Еще охры, очень сильно разбавил все это пиненом, нарочито небрежно, почти не глядя на холст, тронул кое-где этой полупрозрачной сероватой жижей – и случилось чудо: голова стала цельной,

материальной, исчезла чернота, появился воздух. Я стоял пораженный, а Давид Борисович, усмехаясь, уже направился к соседней работе.

Большое значение Алльховский придавал работе над характером – тому, что теперь, к сожалению, считается чем-то второстепенным. Однажды он рассказывал нам, как вместе с А.А.Деблером он рисовал чей-то портрет с натуры:

- У меня получилось так себе, а Деблер!.. Так взял характер, даже как –то зло... И сразу ясно, как надо его, этот характер, делать.

Естественно, был у нас и интерес к творчеству Давида Борисовича. Но тут нас ждало разочарование. Кроме блистательного портрета (углем) из Музея Академии художеств и маленькой фотографии в кабинете истории искусств , изображающей какой-то очень красивый эскиз с всадником, ничего разыскать не удалось.

А вскоре Давида Борисовича не стало.

Надеюсь, что многие гораздо лучше и ближе меня знавшие Альховского, напишут об этом замечательном человеке, а также когда-нибудь откроется выставка его работ.

Сборник научно-методических статей
Института имени И.Е.Репина .
"Вопросы художественного образования".
2004г.